

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В КНДР, НАЧАЛО XXI в.

Лариса Вячеславовна ЗАБРОВСКАЯ,
кандидат исторических наук

ПЕРВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Новое столетие ознаменовалось значительными подвижками во внутренней жизни КНДР — закрытой от посторонних глаз дальневосточной страны.

Начавшиеся летом 2002 г. экономические реформы в корне изменили ритм и качество жизни трудящихся КНДР. Еще в начале 1990-х годов они знали, что их жизнь унифицирована и должна подчиняться общему распорядку, а их одежда, питание, весь образ жизни — все было уравнено и почти не зависело от того, где и как много трудится каждый из них. Необходимые продукты и одежда приобретались только по специальным карточкам при уплате небольшой суммы денег, игравших второстепенную роль в такой «экономике военного коммунизма». Остальное — проживание в благоустроенной квартире, детсад, медицинское обслуживание, учеба в школах и вузах — северокорейцы получали бесплатно.

С принятием в июле 2002 г. правительством КНДР Постановления о новом пути экономического развития республики начались экономические преобразования. В этом документе предусматривались меры по децентрализации плановой экономики, что позволяло предприятиям самостоятельно устанавливать цены на продукцию и заключать договоры с поставщиками сырья и комплектующих материалов. Администрациям заводов и предприятий позволили материально поощрять работников. Это сопровождалось отменой системы жесткого распределения продовольствия и промтоваров. Зарплаты в среднем возросли в 20—30 раз, но и цены на товары повседневного спроса также увеличились в несколько десятков раз¹. С отменой карточно-распределительной системы все кардинально изменилось и за все пришлось платить, исходя из собственных доходов.

Повышение роли денег в расчетах населения стало первым шагом на пути проведения экономической реформы в КНДР. С этого времени жители страны должны решать все свои жизненные задачи «только за счет полученной зарплаты, а денежное вознаграждение получает только тот, кто работает»². Такова новая концепция внутренней жизни страны.

Началась подготовка новых кадров управленцев, при обучении которых упор стал делаться не на усвоение постулатов идеологии чучхе, а на изучение функционирования рыночной экономики, разъяснение законов спроса и предложения и т.п. Руководителями предприятий стали назначаться 40-летние технократы, получившие образование за рубежом. Кроме того, в начале июля

2002 г. власти провели общегосударственное совещание финансовых работников, на котором было решено перевести большинство предприятий на хозрасчет, чтобы «добиться максимальной отдачи от производства при соблюдении социалистических принципов хозяйствования». Это отразило главный курс лидера КНДР Ким Чен Ира на проведение осторожных экономических реформ в рамках социалистической системы. Власти выпустили в обращение купюры достоинством в одну тысячу вон, допечатали более мелкие купюры, что значительно увеличило объем денежной массы в стране.

Повышение зарплат было проведено дифференцированно: зарплата рядовых рабочих в производственном секторе была повышена со 110 вон до 2—3 тыс., а шахтеры стали получать в три раза больше, чем рядовые рабочие. Интеллигенция и кадровые работники также получают повышенные зарплаты — их месячный доход колеблется от 6 до 9 тыс. вон. С повышением зарплат граждане КНДР начали самостоятельно решать, как распределить полученную наличность.

Вместе с тем повышение зарплат сопровождалось ростом безработицы. По оценкам зарубежных исследователей, экономические реформы повысили уровень безработицы в КНДР до 30%, так как многие предприятия, перешедшие на хозрасчет, стали избавляться от лишних рабочих рук. Такой уровень сокращений, по-видимому, связан с тем, что правительственные органы и аппарат правящей Трудовой партии Кореи провел реорганизацию, сократив на 30% ряд постов и должностей. Это высвободило значительное число партийных и государственных чиновников, которых направили на производство.

Параллельно с появлением у населения значительного объема живых денег взметнулись вверх и розничные цены в государственных и коммерческих магазинах. Закупочные цены на основной продукт питания (рис) были подняты в 50 раз и составили 40 вон за кг, а розничные — в 55 раз, или до 44—50 вон за кг, а не 0,8 вон, как было при карточной системе. На улицах появились коммерческие палатки, где можно купить порцию мороженого (50—100 вон), пачку печенья (100—300 вон), белую булочку или пачку самых дешевых отечественных сигарет стоимостью от 60 вон и выше.

Продавицы — пожилые женщины или женщины с маленькими детьми, которые не в состоянии стоять у заводских станков целый рабочий день, но могут поработать несколько часов недалеко от дома. Видимо, так северокорейские власти решают вопрос о трудоустройстве женщин в городах. В сельской местности с трудоустройством легче, так как там много ручного труда.

При этом надо учитывать, что в среднем ежемесячный доход семьи из 4—5 чел. составляет менее 6 тыс. вон, так как в основном оба супруга работают, но женщины получают на 20—30% меньше мужчин. Семья чаще всего строится по патриархальному принципу: старший сын остается жить с родителями и приводит в их квартиру жену. В случае ссор между невесткой и свекровью их примирением занимается домовая общественность, ведь шуметь в доме нельзя — всем надо отдыхать перед трудовым днем.

В государственных магазинах остались полупустые полки, где в основном стоят бутылки с отечественным вином, а чтобы их не было видно с улицы, окна магазинов закрашены белой краской. Значительная часть рабочих площадей центральных универмагов Пхеньяна пустует. Редкие посетители собираются прицениться в тех отделах, где выставлены импортные товары: косметика, белье, одежда, канцтовары. Почти все товары произведены на предприятиях Северо-Восточного Китая, их качество очень низкое. Однако цены слишком высокие, если учитывать ежемесячную зарплату рядового северокорейца. Так,

простенький детский летний костюм стоит 3 800 вон, колготки — 300 вон, велосипед 7—11 тыс. вон, холодильник 8—10 тыс. вон, аппарат для производства столь популярного мягкого мороженого особенно дорогой — 2—3 млн. вон. Их покупают крупные рестораны или кооперативы, производящие на глазах у потребителей мороженое из козьего молока.

Основные продукты питания в коммерческих магазинах также дороги: буханка белого хлеба — 500 вон, десяток яиц — 80 вон, 2,5 л китайского соевого масла — 7 750 вон, бутылка отечественной водки (25%) — 350 вон, бутылка газированной воды — 35 вон. При этом официальная стоимость евро — 165 (август 2004 г., в апреле того же года было 173) вон, а доллара — 150 вон (август 2004 г.). В коммерческих обменниках курс евро в 8—10 раз выше, или более 1 450 вон за евро³, курс доллара — чуть более 1 тыс. вон⁴. Такие обменники расположены в коммерческих магазинах. Один из них находится в супермаркете Тхонгиль, куда разрешен вход иностранцам. В этом обменнике можно только менять иностранную валюту — евро и иены — на воны, но не наоборот. Как видно, власти КНДР очень заинтересованы в притоке валюты, но не в вывозе.

В 2004 г. стоимость килограмма риса в коммерческих магазинах доходила до 1 тыс. вон, что довольно дорого и объяснялось неурожаем этой культуры⁵. Однако в октябре 2004 г., после оказания КНДР южнокорейской гуманитарной помощи, состоящей главным образом из риса, цены на него снизились на 25—50%⁶. Рис также продается по карточкам в специальных распределителях и стоит там 46 вон/кг. Ежедневный рацион рисового пайка остался прежним — 700 г на человека. У населения возникает интерес — сколько стоят продукты питания и одежда в России, Китае и особенно в РК?

Аптек как таковых нет. По словам местных жителей, они вынуждены лечиться народными средствами: лечебными травами, пыльцой хвойных деревьев, отварами корней аралии, барбариса и т.п. Самые распространенные медикаменты и витамины продаются в киосках международных гостиниц и в валютных магазинах, которые по карману лишь заезжим европейцам. Там все цены в евро. Значительная часть медицинских препаратов российского производства. В большой цене российское спиртное, шоколад и косметика, которые считаются намного качественнее китайских аналогов. Все российские медикаменты ввозятся в КНДР северокорейскими командированными, которые, как оказывается, по совместительству являются и челноками.

Рабочий день у граждан КНДР начинается ранним утром. Жители городов, кто пешком, кто на собственном велосипеде или общественном транспорте, спешат на работу. Форма их одежды остается унифицированной: мужчины одеты в темно-серые хлопчатобумажные костюмы с рубашками навыпуск, женщины — в белых блузках и черных юбках, белых носках и темных туфлях, что соответствует национальному представлению северокорейцев о «правильной одежде». Капроновые чулки считаются роскошью, и редко кто их носит. У всех служащих и учащихся на груди сверкают значки с изображением Ким Ир Сена. Такие значки выпускаются к различным юбилейным датам и раздаются на предприятиях.

Никто не носит джинсы. Нет и модников, которые перекрашивали бы волосы в рыжий цвет, что так популярно в Китае, Японии и РК. Считается непатриотичным носить «странные прически или наряды», по которым трудно различать национальность или гражданство. Как видно, космополитизм всячески порицается. Однако при этом многие женщины, а иногда и мужчины делают перманентную завивку, как у Ким Чен Ира. Появилась мода на золотые кольца и бижутерию.

В выходные дни жители деревень устремляются в города, чтобы продать там плоды своего труда — початки кукурузы, на которую в 2004 г. был хороший урожай, а также огурцы, яблоки, виноград, помидоры. Последние считаются здесь фруктами и употребляются с сахаром. Фрукты довольно дорогие. Их нет даже в меню ресторанов для иностранцев. Так, яблоки и груши стоят в коммерческих лавках 400—450 вон/кг, виноград — 700—800 вон/кг, помидоры — 300 вон/кг. Все эти продукты продаются также и на сельскохозяйственных рынках, закрытых для иностранцев, а потому неизвестно, по каким ценам. Однако, судя по потоку устремляющихся на такие сельхозрынки горожан, следует предположить, что на них все продается в несколько раз дешевле, чем в коммерческих магазинах. По-видимому, дешевые продукты сельхозрынков помогают горожанам выживать в этот переходный период.

СЕЛЬХОЗРЫНКИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЁМ КАК СПОСОБ ИЗЪЯТИЯ ДЕНЕГ У НАСЕЛЕНИЯ

Торговля сельхозтоварами местного производства ведется в специально отведенных местах, где бывает особенно многолюдно. Иностранцев на такие рынки не пускают, так как считается, что там все для них слишком дешево. Иностранцы могут делать покупки только в специальных магазинах, где все цены обозначены в евро. Доллары также могут быть приняты к оплате. Однако иностранцы заходят в такие магазины скорее из любопытства, чтобы посмотреть на неширокий ассортимент товаров и поудивляться заоблачным ценам. Да и нет такой необходимости делать покупки, ибо большинство европейцев приезжает в КНДР максимум на неделю — столько длится типичный тур, а китайские туристы — только на три дня. Как правило, китайские туристы везут с собой еду, чтобы не тратиться в местных валютных магазинах.

С началом экономических реформ власти приступили к строительству сельскохозяйственных рынков в городах. Только в Пхеньяне их насчитывается восемь. Как правило, сельхозрынок — это обнесенная глухим забором территория в городском квартале площадью от 100 до 500 кв. м. На рынке постоянно дежурят два—три военнослужащих охранных войск Корейской народной армии, которым обычно поручается охранять объекты государственной важности. Это также может свидетельствовать о подчинении рынков армейским структурам. Возможно, таким путем военнослужащие зарабатывают средства на свои нужды. Кроме того, за соблюдением порядка следят народные контролеры, которые также фиксируют факты недопустимого завышения цен на продаваемые продукты и не позволяют продавать незарегистрированные товары⁷.

Торговлю ведут как постоянные торговцы, получающие продукты из сельскохозяйственных кооперативов, так и сами крестьяне. Все они вносят установленную плату за право торговать на данном рынке. Вместе с тем распространено и такое явление, при котором приезжие крестьяне располагают свой товар в целях продажи вдоль дорог, их никто за это не наказывает. По-видимому, власти КНДР и сами заинтересованы, чтобы население тратило свои деньги на отечественные товары, а не на импортные.

В целях привлечения свободных средств граждан на государственные нужды власти КНДР объявили весной 2003 г. о выпуске третьего со времени Корейской войны 1950—1953 гг. внутреннего государственного займа, подписка на который осуществляется по месту работы. Главная цель займа — концентрация средств для подъема национальной экономики. Этот заем беспроцентный. Обязательства обещают выкупить по номиналу — от 100 до 5 000 вон — в течение

2008—2013 гг. Хорошим стимулом для активизации покупки населением облигаций служит обещание властей через пять лет провести лотерейные розыгрыши «крупных денежных премий», что очень напоминает условия размещения трехпроцентного займа в советские времена.

Министерство финансов КНДР пока не называет точные цифры объема займа, только предполагается, что он будет составлять от 20 до 50 млрд. вон. Скорее всего его объем будет зависеть от успехов его распространения. Приобретать облигации могут только граждане КНДР и зарубежные корейцы. Как правило, каждый северокореец подает заявку на определенное количество облигаций и может расплатиться наличными или путем удержания части зарплаты в течение длительного времени. Хотя многие уже подали свои заявки и оплатили стоимость облигаций, но на руки их не получили. Скорее всего власти решили сначала собрать заявки, а только потом начинать печатать ценные бумаги.

Хотя подписка на заем сугубо добровольная, но и в этом деле присутствует идеология: по сумме, которую гражданин КНДР решил пожертвовать родине, судят о его зрелости, сознательности, степени лояльности и поддержке политики партии и правительства. Тем, кто купит облигаций на сумму более миллиона вон (1 тыс. дол.), власти обещают вручить почетный значок от имени Верховного народного собрания КНДР. Понятно, что такую сумму могут «осилить» без ущерба для своего благосостояния только зарубежные корейцы, а также партийные и государственные чиновники, военная элита, которых таким путем приглашают засвидетельствовать свое почтение и преданность руководству страны.

Поучаствовать в этой акции также могли бы и те, кто работал за границей, а также те, кто имеет родственников за границей и получает от них денежные переводы. Таких «зажиточных» по северокорейским меркам граждан насчитывается, по различным зарубежным оценкам, до 10% населения страны⁸. Именно их участие в этом займе будет иметь решающее значение.

Как видно, власти КНДР не оставляют без контроля ту денежную массу, которая появилась на руках у населения в результате проводимых экономических реформ. На этом поле они, вероятнее всего, войдут в столкновение с китайскими экономическими интересами, которые состоят в превращении КНДР в рынок для китайских потребительских товаров.

ОТНОШЕНИЯ СО «СТАРШИМ БРАТОМ»

С каждым годом Китай приобретает все большую актуальность для КНДР как страны в целом, так и для каждого ее жителя, поскольку китайцы — самые многочисленные иностранцы в стране, импортные товары на полках магазинов опять же китайские, гуманитарная помощь приходит в основном из Китая. Правительственные делегации и командировки рядовых чиновников бываю т опять же в Китае. Да и сам северокорейский лидер Ким Чен Ир чаще всего ездит в Пекин и Шанхай. Хотя отношения у КНДР с Китаем довольно тесные, но далеко не простые. Китай является традиционным политическим и экономическим партнером КНДР. Их связи скреплены стародавней дружбой и кровными узами. Миллион китайских добровольцев участвовал в Корейской войне 1950—1953 гг., помогая КНДР отстаивать свою независимость. Однако сейчас в КНДР не любят вспоминать, что 700 тыс. китайских добровольцев полегло на корейской земле, защищая социализм на севере полуострова⁹.

Еще ранее на территории Китая находили приют и спасались от японских преследований корейские революционеры, в том числе и ныне покойный вождь Ким Ир Сен. Этот факт также не афишируется в современной КНДР. В конце

XVI в. Минский Китай оказал Корею военную помощь во времена японской агрессии. В еще более удаленные времена на Корейском полуострове находили пристанище китайские мигранты, которые переселялись к северу в поисках новых целинных земель. Однако сведения об этих событиях в китайско-корейских отношениях трудно найти в экспозициях северокорейских музеев и школьных учебниках.

В прошлом Корея активно заимствовала у Китая культурные ценности: буддизм, конфуцианство, иероглифическую письменность и т.п. Однако при всем этом в течение многих веков Корея не утрачивала своей самобытности и использовала китайскую культуру как основу для создания своей письменности, религиозных течений, государственной идеологии. Корейские короли хорошо осознавали национальные интересы своего народа и фактически были самостоятельны в своей внутренней политике. Власти КНДР также полагают, что они вправе отстаивать свою самобытность во внутренней политике. Идеи чучхе служат идеологической базой для обоснования этого.

В настоящее время у северокорейского населения появились свободные деньги. Однако северокорейцы не торопятся тратить их на низкосортные китайские товары. Со своей стороны китайские бизнесмены из Северо-Востока Китая спешат воспользоваться благоприятной, по их мнению, экономической ситуацией в КНДР и объявили о своем намерении инвестировать в соседней стране пару десятков миллионов долларов в строительство супермаркетов, которые предполагают заполнить китайским ширпотребом. В последние два-три года наблюдается небывалый рост торговли между КНДР и северо-восточными провинциями Китая. Так, только в 2003 г. объем торговли между КНДР и пров. Цзилинь возрос до 300 млн. дол. Значительная часть этой суммы приходилась на поставки в КНДР китайской стали и угля¹⁰.

На территории КНДР десятками создаются китайско-северокорейские СП. На начало 2005 г. таковых насчитывалось 46. Около десяти тысяч граждан КНР под тем или иным предлогом постоянно находятся на территории КНДР¹¹. Ежегодно КНДР посещают 50 тыс. китайских туристов.

Строительный и игорный бизнес из Гонконга и Макао уже активно участвует в возведении в Пхеньяне и в СЭЗ «Раджин-Сонбон» пятизвездочных отелей, казино и дорогих ресторанов, которые обслуживают многочисленных китайских туристов, приезжающих в КНДР поиграть в азартные игры и побывать в демилитаризованной зоне. Такая избирательность китайских туристов обусловлена тем, что на территории Китая азартные игры официально запрещены. Остальные северокорейские достопримечательности не интересуют китайских туристов, среди которых довольно много чиновников разных рангов, просяживающих в северокорейских казино миллионы казенных юаней, что вызывает серьезную озабоченность у китайских властей, и они принимают самые радикальные меры против таких заядлых игроков. Так, в 2003 г. вице-мэр г. Шэньян был приговорен к смертной казни, а мэр к пожизненному заключению по причине крупной растраты казенных средств в северокорейских казино. Другой чиновник из г. Яньцзи (пров. Цзилинь) просадил в казино СЭЗ «Раджин-Сонбон» около 3,5 млн юаней (423 тыс. дол.), после чего скрылся¹².

Поэтому китайские власти были вынуждены ужесточить правила выдачи госчиновникам загранпаспортов и разрешений на зарубежные командировки. Кроме того, китайское правительство потребовало от соседних государств, в частности от Вьетнама, Мьянмы и КНДР, закрыть все 82 казино, расположенных в пограничных с Китаем районах. Первые два государства согласились приостановить работу или закрыть свои приграничные казино. Только северокорейские власти до последнего тянули с закрытием казино в пятизвездочном

гонконгском «Императорском отеле» в СЭЗ «Раджин-Сонбон», но все же были вынуждены сделать это в середине января 2005 г.¹³ Китайское противодействие созданию северокорейской СЭЗ на китайско-северокорейской границе у г. Синьиджу во многом объясняется боязнью, что эта новая СЭЗ также могла бы стать неподконтрольным китайским властям местом для азартных игр, куда стали бы перетекать китайские капиталы.

Корейский народ сохранил историческую память и очень чувствителен к различным конъюнктурным ревизиям истории своей страны. Власти КНДР всемерно поддерживают изучение корейской истории, бережно сохраняют исторические памятники, культивируют гордость и уважение к героическому прошлому своей страны. Такая политика государства находит широкий отклик и понимание среди народных масс.

Провокационным диссонансом выглядит на таком фоне нынешние утверждения ряда китайских ученых, что одно из трех корейских средневековых государств Когурё (III—VI вв. н.э.) являлось китайским. Такая концепция китайских ученых позволяет объявить все культурные ценности, относящиеся к эпохе существования Когурё, «собственностью» китайской истории, что автоматически расширяет масштабы китайской средневековой государственности. Ведь известно, что Когурё занимало обширную территорию, охватывающую полуостров Ляодун, Восточную Маньчжурию и северную часть Корейского полуострова. Подобные утверждения невольно подводят к выводу, что вся территория нынешней КНДР — это земли, исторически принадлежащие Китаю, и дают повод для спекуляций о возможности их возврата в современную эпоху¹⁴.

Подобные китайские заявления вызывают возмущение и глухие протесты у северокорейцев, которые не могут согласиться с такими конъюнктурными утверждениями китайских ученых, тем более, что вся территория нынешней КНДР входила в состав когурёских земель.

Однако северокорейские ученые не могут открыто вступить в полемику с китайскими историками, ведь Китай — военно-политический союзник КНДР. Тем не менее власти и население КНДР реагируют на подобные китайские выпады весьма своеобразно: в школах вновь введено изучение китайской иероглифики и китайского языка. Причем изучается старое написание иероглифов, чтобы подрастающее поколение северокорейцев могло самостоятельно читать в подлиннике исторические книги.

На бытовом уровне также не поощряется мода на одежду и прически, идущая из Китая — женские брюки, черные колготки, крашенные волосы, джинсовая одежда. За соблюдением этих неписаных правил строго следят домовая ответственность и служащие торгово-сервисной сферы. Так, женщин в брюках не пускают в магазины, где по иронии судьбы продаются импортные (читай — китайские) товары. Для закрепления у населения «правильного» стереотипа поведения власти КНДР установили на видных местах лозунг «Жить по-нашему», который наряду с другим лозунгом — «Интересы армии прежде всего» — является самым распространенным и задает определенный тон и ритм общественной жизни. Транспаранты с такими надписями можно встретить повсеместно.

На зданиях главной площади Пхеньяна установлены портреты основоположника идей чучхе, ныне покойного президента Ким Ир Сена, а также К. Маркса и В. Ленина. Это должно символизировать преемственность идей чучхе марксизма-ленинизма, показать, что идеи чучхе стали современным вариантом марксизма-ленинизма и являются идеологической платформой для развития социализма в КНДР. При этом отсутствуют какие-либо воспоминания об идеях Мао Цзэдуна, которые со своей теорией опоры на собственные силы более близки к идеям чучхе.

Китайские исторические инсинуации привели к росту патриотизма и сплоченности вокруг Трудовой партии Кореи — правящей партии и идеологически направляющей силе в КНДР. Как следствие, наблюдается рост авторитета членов ТПК. Северокорейцы, особенно молодежь, стараются вступить в ТПК, но это непросто. Туда принимают только достойных, доказавших преданность вождю и родине. Среди членов ТПК преобладают мужчины. Это главным образом военнослужащие, рабочие и чиновники разных рангов, т.е. представители привилегированных слоев северокорейского общества. Поэтому девушки стараются выходить замуж только за членов ТПК.

ВОССОЕДИНЕНИЕ СТРАНЫ — НЕУСТАРЕВАЮЩИЙ ЛОЗУНГ

Решение задач воссоединения родины — особая тема северокорейской внутриполитической жизни. Наиболее часто лозунги с призывами о необходимости воссоединить Корею встречаются в демилитаризованной зоне КНДР. По рассказам северокорейцев, каждая суббота — это день знаний для всего взрослого населения страны. Трудящиеся и школьники изучают произведения классиков идей чучхе, их взгляды на процесс воссоединения родины, пути и принципы создания Демократической Конфедеративной Республики Корё, теоретические вопросы внешней и внутренней политики ТПК. Актуальность этой проблемы для КНДР обуславливает любопытство северян в отношении того, как южнокорейское население относится к воссоединению родины, хотят ли этого и что делают для форсирования этого процесса.

В идеях чучхе северокорейцам больше всего импонируют идеи эгалитаризма в социальном устройстве общества, обоснование самобытности корейской культуры, программа необходимости воссоединения родины на мирной демократической основе без вмешательства извне. Власти КНДР внушают населению, что после воссоединения родины все экономические трудности будут решены и все корейцы станут зажиточными.

Северокорейцы, лишённые возможности сравнивать свой уровень жизни с зарубежными странами, считают, что живут хорошо. Они также безоговорочно поддерживают курс своего правительства, направленный на защиту своей страны и культуры от иностранного (в настоящее время китайского) «тлетворного влияния», на укрепление и развитие обороноспособности КНДР не столько от мифического «американского империализма», сколько от «старшего брата», который в любой момент может ввести свои войска на север Корейского полуострова под предлогом необходимости выполнения китайско-северокорейского договора о дружбе 1961 г., первая статья которого обязывает КНР прийти на помощь КНДР в случае угрозы нападения извне¹⁵. Иными словами, стабильность северокорейского общества держится на том, что власти «хорошо знают, что нужно народу» и укрепляют у него чувство собственного достоинства, подспудно культивируя антикитайские настроения.

По всей видимости, северокорейская элита надеется, что в объединенной Корее каждая из сторон сможет сохранить свой прежний уклад жизни. В действительности, нетрудно предугадать, что преимуществами воссоединения Кореи в первую очередь смогут воспользоваться южнокорейские монополии, которые обладают необходимым свободным капиталом, а потому смогут получить в свое распоряжение дешёвые трудовые ресурсы КНДР, источники сырья, северокорейский рынок бытовых товаров, который сейчас находится в руках китайских бизнесменов.

Правящие круги КНДР также смогут извлечь выгоду, избавившись от каждодневных забот о нуждах и чаяниях своего населения, займутся реализацией

своих планов, касающихся создания собственного бизнеса, для чего необходимо накопить первоначальный капитал. Хотя в северокорейском обществе открыто не провозглашен денсяопиновский лозунг «Обогащайтесь!», но все говорит о том, что накопление денег, особенно в валюте, больше не является криминалом. Из этого можно сделать вывод, что северокорейская элита надеется использовать экономические реформы в целях получения такого первоначального капитала, который намеревается применить для самоутверждения в объединенной Корее.

Однако, как видно, борьба за свою самобытность пока не дает ощутимого толчка для развития собственной легкой и пищевой промышленности, для чего нужны значительные государственные инвестиции. Пока КНДР вынуждена импортировать продукты, одежду, медикаменты, бытовую технику из Китая, чем и пользуются китайские предприниматели.

Вместе с тем власти КНДР делают все возможное, чтобы не потерять контроль над возросшей денежной массой и не позволить китайским бизнесменам установить полное верховенство над своей экономикой. Пока это им удается.

От проводимых в КНДР экономических реформ значительно выиграл китайский бизнес из приграничных северо-восточных провинций Китая, который с выгодой для себя перенаправил поток низкокачественных товаров из дальневосточных регионов России в КНДР. По всей видимости, власти КНДР понимают, что слишком тесные экономические контакты с Китаем и предоставляемая им гуманитарная помощь могут обернуться потерей экономической самостоятельности и, как следствие, политической независимости.

Тем не менее власти КНДР, учитывая перспективы объединения страны, все же не оставляют попыток придать динамизм существующей политико-экономической системе. Их темп и направление будут зависеть не только от внутренней политики властей КНДР, но и от международной ситуации в Северо-Восточной Азии и того, как эта страна будет вписываться в реалии международной жизни всего региона.

¹ Мальцева О.П. Россия и КНДР: проблемы и перспективы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005. С. 130.

² ИТАР/ТАСС. Пульс планеты. 26.05.2004. Л. «АК»-6.

³ Там же. 13.04.2004. Л. «АК»-8.

⁴ <http://www.kotra.nknews.kr> Octobe 15,2004/

⁵ <http://www.nautilus.org> Octobe 10,2004.

⁶ <http://www.kotra.nknews.or.kr> Octobe 15,2004.

⁷ ИТАР/ТАСС. Пульс планеты. 26.06.2002. Л. «АК»-9.

⁸ Там же. 23.05.2003. Л. «АК»-17.

⁹ См.: История Кореи. М.: Наука, 1974. Т. 1—2.

¹⁰ <http://www.nautilus.org> Januar 14,2005.

¹¹ ИТАР/ТАСС. Пульс планеты. 17.01.2005. Л. «АК»-9.

¹² Там же. 12.01.2005. Л. «АК»-7.

¹³ Там же. 03.01.2005. Л. «АК»-4.

¹⁴ См.: Пироженко О. «Утерянная земля»: китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё // Проблемы Дальнего Востока. М., 2004. № 6. С. 116—126.

¹⁵ Забровская Л.В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. С. 93.

SUMMARY: The article “Economic Reforms of the DPRK at the Beginning of the 21st Century” by Candidate of Historical Sciences Larisa Zabrovskaya is devoted to the urgent problems of economic situation and social life of the DPRK’s population. The author underlines that the contemporary economic reforms are going under the Chinese control and answering Chinese state interests. Besides, the DPRK’ authorities understand that they must not permit the Chinese business to play the main role in internal life and economic situation of their country.